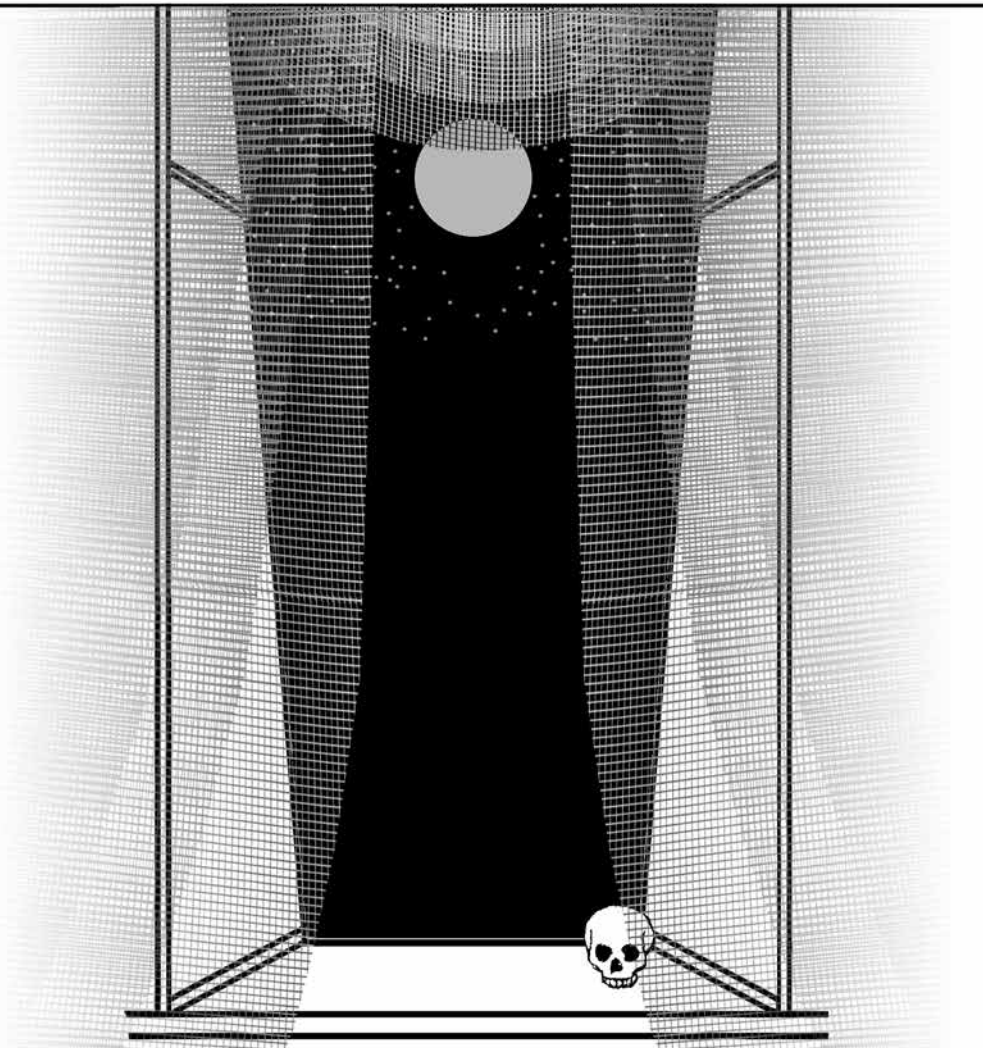
УДОВЛЕТВОРЕНИЕ



«Амбиции имеют разочарования, которыми они огорчают нас, но никогда не приносят достаточно успеха, чтобы удовлетворить нас».
Бенджамин Франклин

«Какие же они все суки. Это просто омерзительно!» — орал про себя Карасёв, протискиваясь сквозь толпу на вокзале. Кого Карасёв имел в виду, он, возможно, и сам точно не знал. Такое просто у него в тот момент было настроение.

Карасёв был режиссером. Человеком чувствительным и немедленно впадающим в депрессию при любом косом взгляде, но вместе с тем он был альфа-самцом, он был павлином, он был завоевателем, победителем и повелителем актеров.

Правда, первое было написано на лице в минуты приступов, а о втором его качестве кроме него никто не знал. Вернее, многие знали, особенно женщины, просто неправильно интерпретировали его пафос в минуты, когда Карасёва накрывала всепобеждающая победа,— считали самодуром.

Люди злые, им не понять тонких переливов красок души художника. Суки — наверное, это про них. Хотя, может, это и по другому поводу.

Пьеса

Он находился в процессе постановки очередного спектакля по пьесе малоизвестного кого-то. Он переписал уже инсценировку много раз, он проклял автора много раз, себя не раз и всех, кто спрашивал его про новую постановку,— бесчисленное количество раз совокупно.

Все не шло, не ехало, и это совершенно измотало его. Актеры пытались придумывать свое, и он имел с ними непрерывные отношения, видоизменяющие его, но совершенно не меняющие их. Они не были людьми, они были механизмом донесения его мыслей до зрителей. Ну, не мыслей, конечно, а неких образов мыслей, неких дорог, по которым они должны были блуждать в поисках чего-то, чего у них не было.

А актеры хотели вещать свое. Он это пресекал, но с этим пресечением пропадало все. Не ехало, не шло, не транслировало.

Он выбивался из сил. А сроки сдачи спектакля приближались, маячила премьера, маячил провал.

Поэты

Пьеса была про Байрона и Шелли, про Италию, про борьбу и стихи. Сложность, которая была описана

в предыдущем фрагменте, состояла вы понимаете в чем. И понимаете теперь, почему Карасёв бесился и не попадал никуда и ни во что. Несоответствие времени было очевидным, на дворе были двадцатые, и в них не вмещались эти мертвые поэты.

Мучения исходили еще и из того, что посоветовал ему эту пьесу взять некто Полуэктов, его старый знакомый, много помогавший, в том числе и деньгами. Такой меценат и любитель. Теперь Карасёв сидел с ним в его любимом ресторане, устроенном в бывшей раздевалке одного госучреждения, и рассказывал ему о трудностях постановочного периода.

— Ну и что? — сказал, наслушавшись, Полуэктов.— Сделай новое лицо в пьесе, ну какого-нибудь русского писателя, который пишет роман про этих Байронов, и всё.

— Тебе легко говорить,— отвечал Карасёв.— А историческая правда?

— Что? Правда? Это говорит режиссер? Где это вы правду видали? — Полуэктов заржал.

— Да, мы правду видали,— тупо воззрился на него Карасёв.— А вы, похоже, нет.

— Ну ладно, ладно, не горячись. Не хочешь писателя вводить, сделай спектакль музыкальным — вообще взятки гладки.

— Нет, тогда уж лучше введу писателя.

— Кого?

— Гоголя, кого же еще.

— Распнут.

— А кого тогда? Горького? Тургенева?

— А почему обязательно нужен знаменитый писатель? Почему не наш современник? Отталкиваясь от английских романтиков с трудной судьбой, он размышляет о судьбах родины. Современно, злободневно, востребованно.

— Ну ты даешь вообще,— Карасёв воззрился на старого товарища.— Не узнаю тебя.

— Рестайлинг, мой друг. Все требует переосмысления. Помнишь — «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше»? Вот так и мы с тобой будем,— Полуэктов опять засмеялся.
— А чего ты смеешься все время?
— Смотрю на тебя — и смешно мне.
— А...
— Ладно, не обижайся, я пошутил.
— Мне как-то не смеется сегодня.
— Ну я же извинился.
— Ладно, я попробую.

Стенограмма худсовета

Член худсовета Спиридонов. Вот вы в своей пьесе, Карасёв, проводите мысль о влиянии культуры на мораль, а ваши герои — аморальные английские поэты.

Карасёв. Вы же видите, что весь строй пьесы (кстати, не моей) изменен мною. Введен автор — писатель, который ищет дорогу, соединяющую искусство и современность, на фоне английских романтиков рождается наш взгляд, отличный от поэтов XIX века, творящий добро, отстаивающий настоящие ценности.

Член худсовета Аникеев. Я цитирую: «Разврат и содомия, присущая английской аристократии, в полной мере отразилась в искусстве, именно этим можно объяснить почти всё, и это всё отличает нас от них». Это текст, который ваш автор в пьесе мучительно рожает на фоне легкого Шелли и блестящего Байрона. Кто же выберет вашу дорогу?

Карасёв. Текст так себе, я согласен, но такое требование времени, я думаю. Если нет — скажите, как мне по-другому получить разрешение на постановку.

Член худсовета Кобылкина. Видите, Карасёв, вы не искренни, поэтому работа не идет. Вы прикидываетесь, мимикрируете, ибо прикрываете свое несогласие с выбранным путем. Эта неудача — не текста и не спектакля, а лично ваша.

Карасёв. Ок. Скажите, как мне исправить ситуацию.

Председатель худсовета. Вы ведь раньше работали в другом жанре — может быть, вам не по плечу драма?

Карасёв. Дайте поставить — и узнаем.

Кто-то. Логично.

Председатель. Давайте решим так: месяц на доработку сценария, возьмите соавтора и быстро устраните огрехи. Если Александр Петрович скажет, что всё исправили, значит, будете ставить.

Карасёв. Кого мне взять?

Председатель. Возьмите Кобылкину. Она подтянет пьесу, вы удивитесь — и вам понравится. Будем считать, что мы дали вам разрешение с условием. Так, товарищи?

Члены художественного совета. Да.

Карасёв. Спасибо.

Актеры

Голодные овцы. Не все, но многие. Снимаются в сериалах, в эпизодах, рекламе, озвучивают книги — в общем, делают все, чтобы развалиться как актерам. Убивают себя не буквально, но личностно.

Карасёв старался создать своим атмосферу уюта и душевного комфорта. Весь негатив пытался не пускать дальше себя. Он очень хотел быть хорошим, но почти всегда оказывался плохим. Почти. Всегда.

Сегодня было собрание перед началом репетиций, или первая репетиция,— это кто как хотел называть, так и называл. Итак, они начали.

Довольных не было. Читка началась с упреков и жалоб. На то, что нечего играть, нет глубины, короткие роли или кому-то роли вообще не досталось. Пришлось запускать второй состав, из которого в перспективе можно делать вводы. Ну такая сборная надежды как бы.

Но это всё не беда. Беда была, вернее, прибыла в образе госпожи Кобылкиной. Женщины заслуженной, к тому же члена худсовета.

Соавтор долго излагала свое видение и то, что она ждет от актеров. В конце ее выступления все окончательно офигели и уставились на Карасёва.

— Виолетта Павловна иногда утрирует детали,— сказал он в мертвой тишине.— Думаю, в процессе работы туман рассеется, а цель проявится четче. С вашей помощью. Принимаются все соображения. Ждем полной включенности. Так как мы перебрали со временем, продолжим завтра в десять, не опаздывайте.

Слушали его молча и так же молча разошлись.

Кобылкина

— Что это было? — спросила Виолетта Павловна, когда они остались одни.
— А что бы вам хотелось, чтобы это было? — ответил Карасёв.
— Я хотела бы дисциплину.
— Я тоже.
— Так давайте ее добиваться.
— А давайте,— сказал Карасёв.— С чего начнем?
— С дисциплины.
— Отлично. Тогда завтра проводите читку вы.
— Почему я?
— У вас должны быть ответы на вопросы, вы соавтор, вы должны подробно, как сегодня, но по существу,

донести дух пьесы. Вдохновить, охватить и подвигнуть.
— А вы прям виртуоз,— с восхищением сказала Кобылкина.
— А то,— ухмыльнулся Карасёв.

Завтра

На репетицию никто не пришел.

Послезавтра

Карасёв поговорил с каждым по очереди. Они были готовы на всё, но только без Виолетты Павловны. Карасёв позвонил Полуэктову.
— Это сделать можно, но ты, старичок, будешь должен,— сказал Полуэктов.
— Больше, чем сейчас? — спросил Карасёв.
— Сарказм неуместен,— ответил Полуэктов.— Ты что, не понимаешь, какая возня на идеологическом фронте?
— Не знаю и не хочу.
— Тогда закрой рот и делай спектакль.
— Что тебе надо?
— Мне надо, чтобы было как «Ленин в Октябре», помноженное на «Заседание парткома».
— Так не бывает.
— А ты сделай.
Карасёв повесил трубку.
«Он, подлец, еще трубку бросает,— подумал Полуэктов.— Сделает, куда он денется».

Гаврилов

Гаврилов играл писателя. Главная роль. Он был творчески ориентированной личностью. Во всем. Буквально. Ну, вы понимаете.

Карасёв с ним мучился. Вернее, так казалось со стороны, и Карасёв этот миф поддерживал.

На самом деле Гаврилов был тем человеком, который мог спасти спектакль или не спасти. Хотя Карасёв считал, что никто не может спасти это говно, но надежда умирает и рождается вновь. Как в последний раз.

И Гаврилов обещал. Он уже месяц не пил.

Они еще раз шли с ним по главному монологу спектакля. Это был фиговый листок, прикрывающий все неприличные причиндалы постановки. Отсутствие внятного текста, отсутствие структуры, отсутствие приличных актеров. Но спектакль ждали наверху, и Гаврилов должен был жечь.

Карасёв слушал монолог, и внутри у него все умирало. Это было так отвратительно плохо, что могло прокатить.

— Завтра сделай как сейчас,— сказал Карасёв после репетиции.

— Постараюсь,— сказал Гаврилов.

— Всего один раз,— сказал Карасёв.

— Я понимаю,— сказал Гаврилов.

— Точно? — спросил Карасёв.

— Не ссы,— сказал Гаврилов.

На этой реплике Карасёв повернулся и вышел, а Гаврилов остался.

После премьеры

— Потрясающе,— сказала Кобылкина, сидя в кабинете Карасёва.— Я вся вспотела.

— Немудрено,— сказал Карасёв.

— Вы создали шедевр.

— Ну, наверное, мы создали, Виолетта Павловна,— поправил Карасёв.

— Мы,— выдохнула Кобылкина.— Пойду звонить председателю.

— Хорошо,— сказал Карасёв.

Позвонил Полуэктов.

— Не стал к тебе забегать, торопился. Шедевр!

— Сарказм неуместен,— напомнил ему Карасёв.

— Помнишь.

— Помню.

— Ты мне больше ничего не должен.

— Да ну!

— Вот тебе и да ну. Ты спас всех нас.

— Себя не спас.

— Не кисни, завтра все увидишь по-другому.

— Завтра не будет.

— Будет, будет.

Карасёв встал, положил телефон, открыл окно и, неуклюже перевалившись через подоконник, так же неуклюже рухнул вниз.

«Нелепо»,— подумал он.

Полуэктов сказал: «Алло, алло». Пожал плечами и положил трубку.

Снова Гаврилов

Разочарованный Полуэктов сидел напротив пьяного Гаврилова. Вокруг царил хаос какого-то грязного заведения. Место было неудобное для Полуэктова, но выбора не было.

— Ты пойми, Гаврилов,— говорил он,— кроме тебя теперь некому. Спектакль должен пройти еще по меньшей мере десять раз. Формально, наверное, главной назначат Кобылкину, но негласно решили, что будет делать дальше Гаврилов. А Гаврилов — это ты. И ты бухаешь.

— Да, я бухаю,— сказал Гаврилов.— У меня друг погиб.

— Не преувеличивай,— сказал Полуэктов.

— Это я его убил,— сказал Гаврилов.

— Самомнение,— ответил Полуэктов.

— Ты просто дурак.

— Самомнение,— повторил Полуэктов и добавил: — Спасибо, ты снял грех с меня.

— Это значит — у тебя самомнение,— засмеялся Гаврилов.— Значит, мы вместе.

— Пожалуй,— сказал Полуэктов.— Ну так как?

— Нет,— сказал Гаврилов.

— В порошок сотрут,— сказал Полуэктов.

— Ниже этого? — спросил Гаврилов, показывая рукой вокруг.

— Ниже этого,— ответил Полуэктов.

— Ну-ну,— сказал Гаврилов и залпом допил свой стакан.

Глядя в остекленевшие глаза Гаврилова, Полуэктов понял, что ему конец. Он придумал проект, он взял под него деньги — и вот он с трупом на руках и без главного героя сидит в засранном кабаке.

— Придется самому,— вздохнул он, встал и вышел прочь.